

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л83

*Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Кирилл Прокофьев*

Лугин Ю.

Л83 Отведи всему начало. Роман. – М.: ИД «Городец»,
2019. – 352 с. (Серия «Ковчег».)

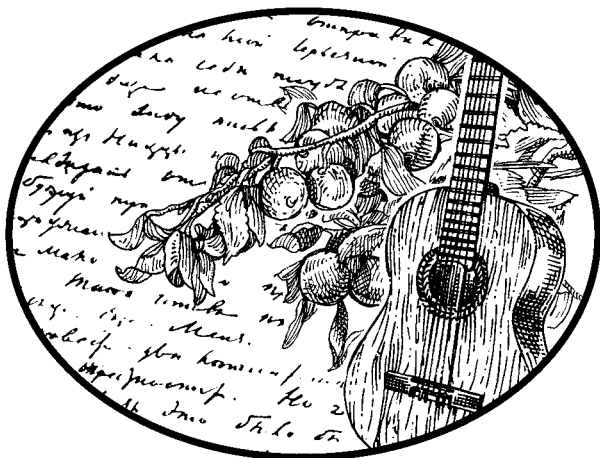
«Отведи всему начало» – роман о первой любви, взрослении и воспитании чувств. О дружбе, ответственности и становлении личности. О герое, который сумел сделать правильный выбор в трех ключевых моментах достаточно сложных жизненных ситуаций, что определило всю его дальнейшую жизнь. Время действия: начало 2000-х. Место действия: рабочий городок в Свердловской области и Санкт-Петербург.

ISBN 978-5-907085-22-0

© Ю. Лугин
(Ю.Л. Лукин), 2019
© ИД «Городец», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СВИДРИГАЙЛОВ»

Отыщи всему начало, и ты многое поймешь.

К. Прутков

1. День святого Валентина

— Витька, привет! С выздоровлением!

Виктор, разглядывавший расписание уроков, от неожиданности вздрогнул. Он не заметил, как они подошли и остановились рядом — Светка Белова и Алька Кабирова.

— Бледненький какой! Слабенький! Губенками шевелит...

— Здравствуйте, девушки! — подчеркнуто вежливо поздоровался с одноклассницами Виктор, почему-то испугавшись, не догадаются ли девушки про его интерес к расписанию уроков отнюдь не родного 10-В, а параллельного 10-А, и торопливо включил чувство юмора. — Это у меня осложнение после болезни. Нервный тик.

— Возьми направление к невропатологу, — посоветовала Алька.

— А может, сразу к психиатру?

Светка, вспомнив, наверное, что она блондинка, кокетливо поправила белокурые локоны и рискнула над Тороповым приколоться:

— Без невропатолога еще туда-сюда, а к психиатру возьми обязательно. И вообще я думала, ты давно у психиатра на учете.

В натуре блондинка: полгода проучилась с ним в одном классе, а все еще не поняла, что нельзя вот просто так прикалываться над Тороповым!

— Увы, — с легкостью согласился Виктор. — Вынужден признать, я действительно бываю не совсем адекватен, когда ты так близко рядом. Не могла бы ты отойти от меня метра на полтора, а лучше на два?

— С чего бы? — удивилась Белова.

— Понимаешь, Светка, кажется, у меня гормональный взрыв...

Светка, услышав про «гормональный взрыв», отпрыгнула в сторону — не на два метра, естественно, и не на полтора, но на метр точно.

— Ничем помочь не могу, извини!

— Тебе повезло: день сегодня для твоих гормонов подходящий, — улыбнулась Алия.

— Да ну?! — удивился Виктор. — Или я чего не догоняю? Просветите отстаłego одноклассника, а то стою и тупо думаю, чем сегодняшний от прочих дней отличается?

Алька указала Виктору на плакат, который он почему-то сразу не заметил: «14 февраля, в День святого Валентина, поздравляем всех влюбленных».

— То-то, я смотрю, цирк в школе. И ведь что характерно, нам-то святой Валентин с какого боку? Типа мы католики? — Виктор театрально всплеснул руками. — Блин, как быстро меняется мир! Стоит человеку проболеть пару недель и заявиться преисполненным жаждой знаний в стены любимой школы, а тут черт-те что творится. Клоуны какие-то ряженые бегают...

— Посланники Амура. Каждый может через них передать «валентинку» тому, кто ему нравится, — пояснила Алия, а Светка ехидно добавила:

— Для тех, у кого гормоны, — самое то!

Виктор ахнул, развернулся и уставился на Светку.

— Чего глаза выпучил? — спросила та, как всегда, не подумав о последствиях.

За что очередной раз и поплатилась:

— Про «самое то» — это предложение? Вообще-то ты не в моем вкусе, но я подумаю...

Алия прыснула.

— Нахал! — возмутилась Светка. — Да я с тобой!..

Виктор тут же сделал виноватый вид:

— Не продолжай! Понял. Осознал. Больше не буду.

В школе праздничное настроение реально чувствовалось. Девчонки, даже пигалицы из младших классов, ходили нарядные, сосредоточенно-серьезные. У парней, как обычно, эмоции проявлялись в тумаках, беготне, резких движениях. Адресные номерки у ряженых почтарей брали все, и почти каждый держал ворох «валентинок» в руках.

Виктор от номерка отказался категорически. А почему — объяснил только давнему другу и нынешнему соседу по парте Сашке Карпинскому в кабинете литературы после того, как они от души отволтузили друг друга в честь тороповского выздоровления:

— Смысла не вижу. Письма, которое хотел бы, мне не получить, а другие... хм!

— А ты сам ей напиши!

— Легко сказать, — вздохнул Виктор и замолчал, делая вид, что занят приготовлением к уроку.

Прогремел звонок.

— Готовился? — спросил Сашка.

— Не так чтобы очень. Но у меня отмазка: я болел.

— А на Митрича отмазки не действуют!

— Как-нибудь перебьемся.

— Только бы меня, ешкин кот, не спросил: что-то мне Достоевский в лом...

— Теперь обязательно спросит.

— Не каркай, ворона!

Виктор, изображая сочувствие, горестно вздохнул.

— При чем здесь я? От тебя такие флюиды ужаса и неуверенности в себе исходят — за километр видно.

Вошел слегка растрепанный и весьма энергичный Максим Дмитриевич Чимбарцев — учитель литературы, личность для школы колоритная. Даже слишком: его язвительные замечания и шутки, на которые он был великий мастер, били по самолюбию нерадивых учеников весьма болезненно.

— Приветствую, красавцы и красавицы, садитесь! Итак, поговорим о двойниках Раскольникова, — Митрич зловеще помолчал, выбирая жертву, а потом продолжил: — Для начала послушаем нашу умную Машу. Потом кого-нибудь из тех, кто попроще... — И с выражением заранее ожидаемого разочарования уставился на Николаеву.

Маша, вспыхнув, вскочила...

На Чимбарцева не обижались. И не потому, что обижаться на таких — грех. Назвав Машу умной, он отнюдь не издевался: «Кому многое дано — с того и спросится». Издевался он над теми, кто попроще.

— В рамках метода фантастического реализма в произведениях Федора Михайловича Достоевского огромную роль играют второстепенные персонажи, в характере которых отражаются отдельные черты, присущие главным героям. Их можно условно назвать двойниками,

потому что благодаря им точнее раскрывается идея романа. Двойников мы видим и в окружении Родиона Раскольникова, и в окружении Сони Мармеладовой... — затараторила умная Маша, заглядывая в рабочую тетрадку.

Виктор усмехнулся. Предположить, что Николаева когда-нибудь окажется не готовой к уроку, можно с такой же степенью вероятности, как снежную метель в африканской пустыне Калахари. Поэтому он слегка расслабился и, как выяснилось, напрасно. Митрич по поводу Николаевой, похоже, был того же мнения:

— Достаточно! Почетное право назвать «двойников» поименно предоставляется... Александру Карпинскому.

Сашка встал, возложил длань на плечо Виктора: «Прощай, друг, не поминай лихом!» — и обвел тоскливым взглядом стены.

— Ну, к двойникам Раскольникова относится... этот... как его... — Он наморщил лоб, демонстрируя временное помрачение памяти.

— Который? — ласково спросил Митрич.

— Ну, этот... Разумкин?

— Разумихин, чучело! — подсказал шепотом Виктор.

— Ага, — подхватил Сашка. — Извините, я оговорился... Разумихин.

— Кто еще? — продолжал вопрошать настырный Митрич.

С подачи Виктора Сашка назвал Лужина и Свидригайлова.

— И какую же роль играют Лужин и Свидригайлов в сюжете романа?

Сашка молчал.

— Все-таки как-нибудь охарактеризуйте их, юноша. Хоть одним словом.

Сашка встрепенулся.

— Одним словом могу! — терять Сашке было нечего, и он довольно похоже спародировал небезызвестного политического деятеля. — Все они подонки, однозначно!

— Садитесь, Шурик. — Митрич вздохнул, скорбя от бестолковости подрастающего поколения. — Выдвинутый предыдущим оратором тезис развить попытается... Торопов Виктор.

Теперь уже Сашка сочувственно пожал приятелю руку. Виктор встал.

— Повторите, пожалуйста, вопрос, Максим Дмитриевич. Митрич величественно откинулся на спинку стула.

— Соблаговоляю повторить! Извольте, сударь, на примере одного из поименованных Александром Карпинским подонков, исключая Разумихина, естественно, объяснить, как они помогают нам, читателям, правильно понять и оценить характер Раскольников и сущность его теории.

— Извините, но я первый день после болезни и...

— Поздравляю с выздоровлением! Юноша, вы молчали так сосредоточенно, что нам показалось, будто вы способны изречь нечто умное. — Митрич посмотрел в журнал. — А между тем у вас были целых две недели на ознакомление с шедевром Федора Михайловича в наиболее благоприятнейшей обстановке — авторитетными людьми (в том числе и мной) неоднократно проверено: лучше всего художественный текст усваивается в горизонтальном положении. И оценку я поставлю, соответствующую глубине ваших знаний. И необязательно «два», о чем некоторые подумали. Я готов дать вам шанс, юноша, изменить мое не лестное мнение о ваших умственных способностях. Если ответите на один-единственный вопрос. Скажите, что вам показалось наиболее удивительным и непонятным в этих героях, чем они, может быть, вас поразили?

Виктор задумался.

— Вот Свидригайлов, например. Я не считаю его подлецом. Как можно называть подонком того, кто совершил больше добрых дел, чем все прочие, вместе взятые?

Про добрые дела Свидригайлова Виктор прочитал в одной умной книжке — а книги он любил, еще в начальных классах сообразив, что любовью к чтению при прочих равных достоинствах (и даже отсутствии таковых) способен заслужить особое уважение сверстников, — но мнение свое озвучил как внезапно снизошедшее на него озарение.

Митрич заулыбался и стал похож на кота Матроскина, рассуждающего о том, что две коровы лучше, чем одна.

— Bravo, Торопов! Классная тема для доклада: «Свидригайлов — русский человек в его развитии». Вот и займитесь. К следующему уроку, аюшки?

— Постараюсь, Максим Дмитриевич.

— А уж постарайся, голубчик! — Митрич посмотрел на Виктора поверх очков и многозначительно постучал указательным пальцем по классному журналу.

— ...Итак, красавцы и красавицы, «двойники» в романе — важнейшее доказательство тому, что теория, оправдывающая преступление, преступна. Жить и процветать по ней могут лишь законченные и прожженные подлецы, вроде Лужина — кстати, обратите внимание на говорящую фамилию вышеназванного господина. Потому что даже Свидригайлов, не будучи законченным подлецом — о чем весьма справедливо изволил упомянуть *мсье* Торопов, — не выдержал и покончил с собой...

Взгляд Виктора устремился в окно, на памятник красноармейцу с поднятой в руках шашкой, на покрытую снегом гладь пруда, сопки на горизонте. До конца урока оставалось меньше пятнадцати минут. Еще немного — и он увидит ее.

С первого сентября, когда в актовом зале на торжественной школьной линейке их взгляды случайно пересеклись, мимолетные встречи с Галей для Виктора превратились в смысл существования. Вернее, он убеждал себя, что ему, кроме этих встреч, больше ничего и не надо. Видеть ее хотя бы мельком, хотя бы раз, но каждый день — и уже можно жить. О прочем он старался не думать. Прочего просто не могло быть.

В тетради его рука непроизвольно выводила четыре буквы ее имени, и он сразу заштриховывал их, пряча даже от Сашки, которому полтора месяца назад на новогоднем школьном балу открылся, как на исповеди.

*Моя любовь проходит мимо,
Как стороной проходит дождь;
Она тебя не опалила —
Что не горит, не подожжешь...*

С удивлением посмотрев на написанное — он все еще не переставал удивляться недавно открытому в себе умению оформлять мимолетные мысли рифмованными строчками, редко признавая их чем-то похожими на настоящие стихи, — Виктор косым крестом зачеркнул написанное и с досадой захлопнул тетрадь.

Митрич продиктовал домашнее задание уже после звонка, но задержке Виктор обрадовался. Так легче удавалось выйти из класса последним. Он словно невзначай уронил дневник, долго и тщательно укладывал в рюкзак учебник, тетрадь, потрепанный библиотечный томик Достоевского...

И дождался: в кабинет по одному потянулись «ашники».

В дверях Виктор церемонно поручкался с Костей Илоныным, давнишним своим знакомым еще по младшей группе детского сада:

— Буэнос диас, амиго Константэн!

Костя притянул его за лацкан пиджака и оттащил на шаг в сторону:

— Слушай, Виталька с тобой хотел поговорить! Он тему придумал, послушай. — Костя напел: — Та-да-ти-та та-та та-да-ти-та-та... Та-да-ти та та-та та-та-та... Классная песня может получиться!

Они стояли не в дверях, но все равно мешали входившим в кабинет «ашникам», и, разговаривая с *амиго Константэном*, Виктор видел Галю, о чем-то расспрашивавшую ряженого пятиклассника, который принес ей наверняка не первую уже «валентинку».

— Мелодия интересная. Послушай, если влет, может, так:

*По асфальту стучало и капало,
По витринам и крышам мело...*

— Круто! — оценил начало будущего шлягера Костя. — Ты, короче, на следующую репетицию подваливай. И желательно с готовым текстом, если сможешь. О ка?

— Йес, сэр! — Виктор шутливо прикрыл правый глаз двумя сложенными вместе пальцами.

Они разошлись, и Виктор чуть не столкнулся с Галиной и поспешно — слишком поспешно — отвел глаза.

В рекреации он догнал «гонца Амура»:

— Эй, пацан, гоу ту до мэнэ!

Пацан остановился.

— Слушай, почта, ты девчонке записку передавал. У кабинета литературы только что. От кого?

Пятиклассник геройски надулся, как партизан на допросе в гестапо.

— Не скажу! Не имею права! Нас обязали хранить тайну переписки!

— Обязали, говоришь? Молодец, пацан! У тебя чистые «валентинки» есть? Да и номерок за одним давай.

Примостившись на подоконнике, он начертал прыгающими буквами: «Я счастлив тем, что есть на свете ты».

Подумал — и витиеватым росчерком подписался: «Свидригайлов, Аркадий Иванович».

Перегнув записку пополам, торжественно вручил «почтальону».

— Отдашь девчонке, про которую я тебя спрашивал. Запомнил ее? Смотри не перепутай. Не сейчас, а на следующей перемене. Да, и вот еще... Если она спросит, от кого, молчи. Сам говорил: фирма тайну гарантирует. Все, свободен!

На истории Сашка спросил:

— Ты в конкурсе «Сударь и сударыня» участвуешь?

Виктор вспомнил, как «сударем» обзывался на него Митрич, и удивился:

— А это что за на?

— Мероприятие к 23 февраля. Нужно подготовить сцену объяснения в любви из литературного произведения. Победители объявляются королем и королевой бала. Короче, мне Танька Кольченко предложила с нею выступить, и у нас проблема, какую сценку выбрать. Не подскажешь?

Виктор усмехнулся:

— Инсценируйте «Отелло».

—?!

— А что? Ты — вымазанный сапожным кремом, в белой простыне, она — в пеньюаре, на кровати. Ты подходишь, говоришь: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» — и начинаешь ее душить, а Танька красиво бьется в конвульсиях, эротично взмахивая ногами...

Сашка обиделся:

— Я серьезно спрашиваю!

— Ах, значит, ты серьезно?! Ладно, не нравится «Отелло», инсценируйте признание Базарова Анне Сергеевне Одинцовой. Митрич будет в экстазе.

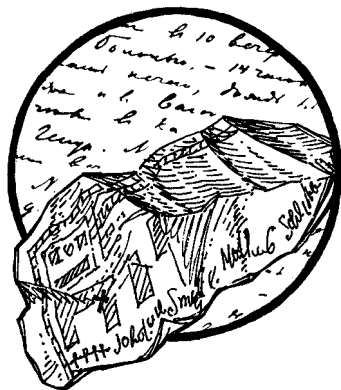
— А вот это классно! Балшойе сепсибоу, дарагой таварисч! — одобрил его выбор Сашка и призадумался, прокручивая в уме, каким из него получится Базаров.

Задумался о своем и Виктор.

Он и не предполагал, что когда-нибудь решится на объяснение с Галей, и испытывал неожиданное облегчение, выплеснувшись наболевшим в «валентинке», как брадобрей в тростниковых зарослях из сказки про царя с ослиными ушами.

Вторая точка пересечения в расписании уроков 10-А и 10-В у кабинета математики не принесла ничего, кроме возможности увидеть Галю еще раз. Виктор не надеялся на ответ, наоборот, боялся его, но все равно испытал разочарование.

Перед шестым уроком ему передали единственную за день «валентинку»: «Мальчик! Почему ты всегда такой одинокий и печальный?» — и обратный адрес внизу, он же подпись: «№ 118-28-049-25». Прочитав и с ходу уловив интонационный отсыл столь вычурного своей сложностью номера к «Евгению Онегину», Виктор записку порвал, а клочки высыпал в мусорную корзину в рекреации третьего этажа.

2. «А подать сюда Свидригайлова!»

Зато следующий день запомнился ему на всю оставшуюся жизнь.

Уже в вестибюле школы он увидел Галю. Она стояла в дверях у вахты и у каждого старшеклассника напористо и бесцеремонно спрашивала:

— «Свидригайлов» — это ты?

Виктор умудрился проشمыгнуть мимо незамеченным, но он слышал вопрос, и его ноги стали ватными.

Два урока он мучился. Схлопотал «пару» по геометрии, нарвался на реплику физички о том, что неплохо бы некоторым, задумчивым и мечтательным, перестать грезить наяву, витать в облаках, а вернуться в реальный мир, существующий благодаря физическим законам, данным нам в ощущениях и объясняемым как соответствующими параграфами учебника, так и сию минуту словами учителя. Даже незлопамятного и на самом деле не очень обидчивого Карпинского заставил надуться своим нежеланием оценить и прокомментировать Сашкины прожекты по поводу предстоящего празднования Дня защитника Отечества.

На третьей перемене не выдержал и у кабинета биологии остановил одного из «ашников»:

— Калинин позови!

Галя вышла, удивленно приподняла брови и pokrутила головой налево и направо: нет ли за спиной Виктора еще кого.

— «Свидригайлов» — это я!

Она долго рассматривала его, отчего Виктор превратился в камень, а потом растекся каплей, как робот из второго «Терминатора».

— Ладно, — почему-то со вздохом сказала Галя и избразила нечто вроде книксена. — Разрешите представиться: Раскольников, Авдотья Романовна!

Виктор попытался по-гусарски щелкнуть каблуками, что у него почти получилось, и пролепетал:

— Оч-приятно!

— В общем, так... Твое идиотское послание я получила, и у меня возникла идея. Про конкурс «Сударь и сударыня» слышал? Ты — Свидригайлов, я — Дуня в сцене их последнего объяснения. Надеюсь, у тебя нет оснований для отказа?

— Я не смог бы тебе отказать и в большем.

Галя размазала его взглядом.

— Мне сказать или сам догадаешься? Короче, репетировать начнем сегодня же. У меня. Адрес знаешь?

Виктор кивнул, а она почему-то не удивилась его подозрительной осведомленности.

— Приходи часам к пяти. И книжку с собой захвати!

— Обязательно. — Он сумел улыбнуться. — А шампанское, шоколад, фрукты?

— Всенепременно-с! И, главное, ананас не забудь. До скорой встречи, Аркадий Иванович!

Дома от избытка чувств он не находил места, являя собой иллюстрацию к известной поговорке «Дурная голова ногам покоя не дает». Голова от неслабого завихрения самых противоречивых мыслей реально гудела. Но даже в запредельно смелых мечтах Виктор не мог поверить в то, во что верить ему очень хотелось. В то, что Галя предложила ему участие в конкурсе не просто так и что совместные репетиции изменят к лучшему ее отношение к нему.

Однако и самого страшного не случилось. Что он герой не ее романа, Галя дала понять сразу, но к этому пока еще он мог относиться спокойно. Чему быть, того не миновать, но это будет не сегодня.

Потом Виктор взялся за «Преступление и наказание». Листал страницы с неожиданным интересом и внезапным волнением, что с ним редко бывало при чтении произведений из школьной программы.

Через полтора часа, отложив книгу, Виктор замер, вытянулся на диване в полный рост, устремив глаза в потолок: «Интересно, а убивал Свидригайлов Марфу Петровну или нет?»

И его внезапно обожгло: «А ведь убил! Не зарезал, не застрелил, не задушил — убил, может, резким словом, упреком. Тем, что, узнав про сплетни о Дуне, на Марфу Петровну в сердцах кулаком замахнулся...»

Во двор Галиного дома он вошел, сутулясь от страха быть увиденным — не важно кем. Осенью, когда быстро темнело и улица Майданова погружалась в непроглядную черноту (из 12-ти расположенных по длине улицы фонарей в лучшем случае горели два-три), Виктор часами стоял напротив Галиных окон, но лишь дважды осмелился торопливо, опустив накрытую капюшоном голову, пройти через двор мимо ее подъезда. Того самого,

в который, стиснув зубы и сжав кулаки до побеления, вошел сейчас. Медленно поднялся, не отрывая руки от перил, которых наверняка касалась ее рука, на площадку четвертого этажа, замер перед дверью с заветным номером.

(Галин адрес он узнал нечаянно, не осмеливаясь спросить его ни напрямую, ни намеком у общих знакомых. И ему просто повезло. В конце первой четверти, когда у учителей извечная запарка с заполнением классных журналов, на уроке истории Анна Григорьевна попросила Виктора отнести журнал 10-А в учительскую. И он, пока шел по двум рекреациям, успел на последних страницах журнала прочитать данные о Галине Калининой: день рождения, имя-отчество родителей, место жительства...)

Позвонил.

Услышав за дверью шаги, невероятным волевым усилием вылепил на лице выражение независимое, слегка ироничное.

— Приветик, заходи! — Галина посторонилась, пропуская его в прихожую. Он вошел, всерьез опасаясь, не осыпалась бы штукатурка от биения его сердца.

Чуть легче стало, когда он молча и торжественно протянул Галине средних размеров ананас, купленный в овощном отделе магазина «Меркурий», куда он по наитию завернул по пути.

Галя, взяв в руки подарок, округлила глаза и потеряла дар речи. Правда, ненадолго.

— Вау!!! — сказала она, машинально — или демонстративно с намеком? — пытаюсь зеленую метелку ананаса понюхать.

— Как и обещал, — пробурчал с неловкостью Виктор.

Про цветы он думал и даже знал, где можно купить в городе самые свежие и красивые розы, но заявиться с цветами к Гале на этот раз не решился.

— Не стесняйся, будь как дома, но держи себя в руках и контролируй... свои бурные эмоции, господин Свидригайлов! А то знаем мы вас. И про гормональный взрыв наслышаны-с! А я девушка беззащитная, родителей дома нет, на помощь прийти некому...

Галя, не оглядываясь, первой прошла в комнату — раскрепощенная, в легких домашних брючках и обтягивающей тело оранжевой футболке с короткими рукавами; а Виктор, пока расшнуровывал ботинки и пристраивал куртку на гардеробную вешалку, мучительно искал ответ на вопрос: а зачем она это делает, зачем позволяет себе кокетничать, если на самом деле он ей безразличен, и как ему ответить на Галины слова про «беззащитную девушку»? Сообразил и, презирая себя за ернический тон, в комнату входя, выдал:

— Но позвольте, Авдотья Романовна! Ежели мы собираемся репетировать, то я по роли вроде как обязан схватить вас в объятия, обнаруживая явную нескромность и преступную пошлость своих намерений!

Слово «намерений» он произнес с ударением на третьем слоге, что, как ему казалось, соответствовало 19-му веку.

— Размечтался!

— А что ты сделаешь? «Так, значит, выстрелишь, зверок хорошенький?»

— Мы уже репетируем? Проходи, садись, я сейчас. — Она вышла, а Виктор перевел дух и огляделся: «Покажи мне, как ты живешь, и я скажу, какая ты...»

Комната и все, что ее заполняло, вызывали у него болезненный интерес: в девичий *дортуар* он попал впервые.

Книжный шкаф в углу, содержимое которого возбудило в нем чувство зависти, как и компьютер с пузатым монитором на столе у окна. (Компьютеры в их городке,

несмотря на то, что весь мир уже второй год проживал в двадцать первом веке, были редкостью и все еще считались символом достатка.) Музыкальный центр рядом с диваном, гитара и плакат с Виктором Цоем на стене... Фотографии за стеклом на полках в книжном шкафу, одну из которых, где Галя была запечатлена в легком летнем платице, ему нестерпимо захотелось украсть...

Галя вошла, церемонно вкатывая сервировочный столик с двумя чашечками дымящегося кофе и тарелочкой домашнего печенья.

— Угощайся!

— Роскошь! Блаженство! Тронут! Весьма!

Галя пояснила:

— Гостей, прежде чем говорить о деле, принято поить чаем или кофе. Говорят, это позволяет создать легкую непринужденную обстановку. И учти... Судя по содержанию твоей записки... — договаривать она не стала.

Ее слова были намеренно обидными в расчете на то, чтобы он не смел сокращать ту дистанцию, которую она между ними определила и которая ее вполне устраивала. И вопрос, а почему она позволяет себе слегка кокетничать с ним, для Виктора разъяснился окончательно: а просто так! По привычке.

Странное дело, из-за невысказанного Галей, но легко угадываемого по поводу его записки, Виктор пожалел, что у него не хватило смелости вместо одной строчки написать все четыре:

*Я сам не знаю, что со мною,
Попавшим в плен несбыточной мечты;
Но счастлив я, что встретился с тобою,
И счастлив тем, что есть на свете ты.*

Вслух же на недосказанное Галей он ответил:

— Понял. Кстати, у Льва Гаврилина есть забавная миниатюра: «Приглашал кот соловья в гости: “Прилетай за просто: может, и споешь... Если успеешь!”»

Галя улыбнулась, взяла чашку, кивком приглашая Виктора угощаться, села рядом.

Виктор, смущаясь, кофе пригубил, отломил кусочек печенья...

Его трясло от ее присутствия, отнюдь не образно обдавало жаром. И он, наверное, умер бы, догадайся она, что именно он чувствует. Но в то же время Виктор испытывал непередаваемое блаженство, о котором и мечтать не осмеливался еще несколько часов назад.

Галина между тем — не врут люди про женскую интуицию! — о его переживаниях догадывалась.

— Кушай печеньице, Витенька, не стесняйся! Сама, между прочим, готовила!

— Из твоих рук, милая, я готов выпить даже яд, — пробормотал Виктор, не переставая про себя удивляться: и с чего его вдруг понесло игривым тоном озвучивать всякую фигню?

Галя всплеснула руками:

— Ну вот! Гадюкой обозвал! — и легонько ударила его кулачком в бок.

На несколько секунд Виктора замкнуло — точно так же, как в начале октября, когда на субботнике по очистке школьной территории расшалившийся Валерка Карасик нечаянно толкнул Галину в его сторону.

Потом он с удивлением подумал: «Фигня фигней, а действует!» — и почти расслабился.

Он пытался шутить. Вернее, не в силах преодолеть смущение, утрировал его, якобы юмористически смущение изображая:

— Да что ты, Галя! Гадюки — они хотя и красивые, но маленькие. Я сравнил бы тебя с анакондой, которая душит жертву, обнимая.

Галя с наигранным испугом отодвинулась от него в угол дивана, черные, с антрацитовым блеском глаза ее с прыгающими в глубине веселыми бесенятами выразительно сощурились.

— Про «обнимая» не по сюжету. С вами все ясенько, Виктор Свидригайлович. — Она обличительно погрозила пальчиком. — Потаскун! Кто про что, а вшивый все про баню!

— Неправда ваша. — Виктор «обиженно надул губы». — И не вшивый я вовсе.

— Ага! Значит, насчет потаскуна не против?

— А че сразу потаскун? Вполне здоровая реакция, между прочим, юношеского организма на присутствие очаровательной девушки. — Виктор чем дальше, тем больше обалдевал от того, что способен говорить с Галей в привычной ему насмешливой манере, которую давно уже выработал для общения с другими девчонками и которую озверело ненавидел, потому что не мог не презирать девчонок, позволявших разговаривать с ними в подобном тоне.

— Та-а-ак... Еще слово на эту тему, и мы услышим звук пощечин!

Виктор поднял руки:

— Сдаюсь, верю, молчу! — Снял с гвоздя гитару, провёл по струнам, проверяя настройку, и с чувством пропел второй куплет из песни Ю. Визбора «Рассказ женщины» — тот самый, с «букашками».

— Надо же, он еще и поет! — удивилась Галя.

— Ага, — скромно сказал Виктор, — пою я классно. А знала бы ты, как я танцую. Ой! Это нечаянно вырвалось,

прошу прощения, больше не буду! — Он испуганно закрыл обе щеки ладонями.

Галя рассмеялась.

— Ладно, — сказала, убирая поднос в сторону, — хватит пустяками заниматься. Поговорим о деле. Платье я для сценки придумаю, а вот твой наряд нужно обговорить.

— А че там обговаривать? Сделаю цилиндр из бумаги...

— Цилиндра мало. — Она скептически осмотрела его. — Свидригайлов погрузнее тебя будет. Ему ведь около пятидесяти? Наденешь под белую рубашку толстый свитер. Поверх рубашки какой-нибудь жилет, вместо галстука — черный бант из узкой ленты. Морщины я тебе подрисую, бакенбарды и усики тушью подведу. Здорово бы лысину сделать...

— То-то народ, меня с лысиной увидев, обхохочется.

— Слабо шевелюрой пожертвовать?

— Мне за-ради искусства шевелюры не жалко! А знаешь, чего она мне стоила?

Галя оживилась.

— Ну-ка, ну-ка! Это не та история со справкой?

— Выходит, я уже знаменит?

— Рассказывай! Я хочу иметь информацию из первоисточника, а то говорят всякое!

— Только держи себя в руках. Есть один нюанс... Это я насчет пощечин.

— Да ладно!

— Короче, дело было так. Нарвался я однажды в коридоре на Великую Екатерину.

Виктор перевел дыхание, собираясь с духом в прямом и переносном смысле, и его вдруг не просто понесло, а так понесло, как никогда прежде: реальный эпизод из биографии зазвучал у него как отрывок из авантюрного романа:

— Горыныч-обэженщик накануне Екатерине на-ябедничал, что его увещеваниям по поводу приведения юношеских голов в порядок накануне допризывной комиссии я, единственный из класса, не только не внял, а вообще имел наглость вслух над его пламенной речью пострематься. Мол, с головой у меня порядок полный, и на окружающую действительность я, в отличие от некоторых, привыкших строем ходить, реагирую вполне адекватно. Ну а Екатерина Великая из учительской солидарности решила надавить на меня своим мощным авторитетом. Подманила она как-то раз на перемене меня небрежно пальчиком и объявила громким шепотом, чтобы, кто рядом стоял, услышали, типа я прической напоминаю ей евнуха. Понятно, тут даже не в Горыныче дело — вернее, не только в Горыныче. Есть у меня подозрение, что и она на свой манер так надо мной постремалась. Но по-любому плохо мне стало — не передать! Недели две на стену лез. А тут в натуре допризывная комиссия. Собрали нас штук семьдесят гавриков в конференц-зале поликлиники и заставили голыми по кругу от стола к столу между врачами-специалистами бегать. В конференц-зале и голыми — это чтобы побыстрее и без лишней волокиты...

— Представляю! — улыбнулась Галя.

— Вряд ли. Тут надо особо изощренное — или извращенное? — воображение иметь... Короче, когда перед хирургом стоял, меня и осенило: «Доктор, а не могли бы вы мне справку выписать, что с *этим* у меня все в порядке?» Доктор сперва чуть очки не уронил, но чуть погодя дико развеселился: они же, которые по гениталиям, все юмористы и циники, — и бумагу выписал. С печатью и все как положено: «Настоящая справка выдана Торопову Виктору Владимировичу для предъявления по месту требования

в том, что...» Ну, что с этим самым у меня... это самое... все тип-топ, короче.

Галя еще сдерживалась, кусала губы, но сдерживалась из последних сил.

— Я потом полдня в школе по этажам бегал, Екатерину выискивая. Дождался. Подошел, поздоровался и вежливо объяснил, что она насчет евнуха не права и у меня по этой теме официальный документ имеется.

Галя, всхлипнув, закрыла лицо руками.

— Потом биология... После звонка входит классная, по полам от хохота согнувшись. На меня пальцем показывает: выйди вон отсюда, а то я урок вести не смогу. Мол, в учительской цирк: Екатерина капли глотает: «Наглец! Дурак! Шпана невоспитанная!» — а педагоги под столами от смеха ползают и Екатерину увещевают: не вздумайте Торопова дураком обозвать — бесполезно: он вам еще одну справку принесет!

Ему самому было неловко и странно выставляться перед девочкой таким курлыкающим павлином, распушившим хвост. Но когда, отсмеявшись, Галя как-то странно посмотрела на него, чувство неловкости пропало.

— Хорошо, береги свои локоны! Лысый Свидригайлов — пожалуй, действительно перебор.

Галя поднялась с дивана, укатила из комнаты столик, вернулась, взяла с полки книжку.

— Нуте-с, молодой человек, приступим. Текст придется сокращать. Лучше, я думаю, начать отсюда... Дуня входит первой. Ее реплика: «Хоть я и знаю, что вы человек... без чести, но я вас несколько не боюсь. Идите вперед...» — Она перевернула несколько страниц. — Ага, вот твои слова, читай!

Показывая, откуда читать, Галя наклонила голову так, что Виктор легко мог коснуться губами ее волос

и шеи. Страхась напугать ее неловким движением, он прочитал:

— «Если бы вы не верили, то могло ли сбыться, чтобы вы рискнули прийти одна ко мне? Зачем же вы пришли? Из одного любопытства?»

Галя подхватила:

— «Не мучьте меня, говорите, говорите...» Здесь не совсем понятно... Ага, нужно добавить: «Вот ваше письмо... Разве возможно то, что вы пишете? Вы намекаете на преступление, совершенное будто бы братом. У вас не может быть никаких доказательств. Вы обещались доказать: говорите же! Но знайте заранее, что я вам не верю! Не верю!..»

Вернувшись домой, он снова ни секунды не мог оставаться неподвижным, суетился, бегал по квартире, отчего родные смотрели на него с удивлением, а ехидный братец Сашка выразительно крутил указательным пальцем у виска. Чтобы не шокировать домочадцев, Виктор заперся в ванной, потом ушел в их с братцем общую комнату, выгнав сожителя смотреть сериал по телевизору, и завалился на кровать. Блаженно улыбаясь, долго восстанавливал в памяти подробности случившегося, иногда морщился от стыда, понимая, каким он был жалким, нескладным; воображал, как можно было показаться Гале более умным, ненавязчиво вернуть комплимент, спровоцировать на более откровенный и нужный ему разговор...

Проснулся Виктор среди ночи, оттого что плакал во сне.

Наяву он не плакал давно. Разучился после позапрошлого случая, когда его в очередной раз (и, как оказалось, в последний) попыталась накрыть компания Гарела.

Драться до тринадцати лет он не умел, и его не били только ленивые. Внешность располагала — до седьмого

Содержание

Часть первая

«СВИДРИГАЙЛОВ»

1. День святого Валентина.....	7
2. «А подать сюда Свидригайлова!»	18
3. Каждый любит как умеет.....	35
4. Танцы с волками.....	44
5. Музыка и песни. Без танцев.....	47
6. «Виктуар, я тащусь от твоей эрудиции!»	54
7. «И во власти несбыточных грез...»	64
8. Чем заканчивается детство.....	71
9. «Как хотите, но заметьте, я говорил еще только в виде предположения».....	77
10. «Мое разбитое сердце будет жемчужиной твоей коллекции».....	90
11. «Я место очистил — в Америку еду-с!»	96
12. «Когда-нибудь это станет твоим лучшим воспоминанием...»	106

Часть вторая

ПОЖАЛЕЙТЕ СЕСТРУ

1. Раз в обычный летний кушвинский вечер.....	113
2. Мечты сбываются, но не сейчас и не здесь.....	125
3. «Вместе быть нам с тобой не дано»	134
4. Как удивить учителя литературы.....	149
5. «Отчего-то редко получается о хорошем в жизни вспоминать»	168
6. «Аттестат о полном среднем образовании вручается...»	178

7. Привет от Пузыря	189
8. «Стоишь у зеркала, сдуваешь волосы с лица...»	197
9. «Все проходит, все пройдет...»	208
10. «Когда случившееся зло ничем не в силах ты исправить...»	220

Часть третья

ВСПОМНИТЬ ГЕРАКЛИТА

1. Если абонент отвечает, значит, он доступен?	233
2. Козы и болонки	244
3. Понедельник — день тяжелый	254
4. Что ответить на «ку-ку»?	265
5. «А не пойти ли нам в филармонию?»	271
6. «У тебя все будет хорошо, когда меня не будет рядом»	278
7. Время в пути: 39 часов 41 минута	284
8. «А на первом пути — электричка, и мой поезд пришел на второй...»	297
9. По своим следам	303
10. Пиво, чипсы и немного нервно	311
11. «Каждому выдадут годы сполна поровну бед и побед...»	318
12. Когда пенопластом по стеклу предпочтительнее вальса Мендельсона	324
13. «Погостить» и «погост» — слова однокоренные	330
14. «А как ее можно не любить?!»	341

Литературно-художественное издание

Юрий Лугин

ОТВЕДИ ВСЕМУ НАЧАЛО

Составитель серии Андрей Геласимов

Выпускающий редактор Е. Пучкова

Редактор О. Шепитько

Корректоры О. Наренкова, О. Шепитько

Компьютерная верстка Е. Климентьева

Художник К. Прокофьев

Подписано в печать 17.03.2019. Формат 60×90/16

Печ. л. 22. Гарнитура «Journal».

Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом “Городец”»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1

www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru,

тел.: +7 (985) 8000 366

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский Печатный Двор».

142300, Московская область,

г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1,

www.chpd.ru,

тел. +7 (499) 270 7359

«Отведи всему начало» – роман о первой любви, взрослении и воспитании чувств. О дружбе, ответственности и становлении личности. О герое, который сумел сделать правильный выбор в трех ключевых моментах достаточно сложных жизненных ситуаций, что определило всю его дальнейшую жизнь. Время действия: начало 2000-х. Место действия: рабочий городок в Свердловской области и Санкт-Петербург.

• • •

«Настоящую любовь со стороны не понять и в существование ее почти невозможно поверить, потому что настоящая любовь – это потребность принести себя в жертву ради счастья любимого человека. Понимаешь? Потребность! Того же порядка явление, как потребность дышать! Которая никому объяснить не поддается, а просто вдруг возникает – и все тут! Независимо от того, порядочного человека она вдруг накрывает или прожженного циника и почти подлеца».

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907085-22-0

9 785907 085220

www.gorodets.ru